

**Цветаев Иван Владимирович**

**Путешествие по Италии в  
1875 и 1880 гг**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 291  
ББК 86.3  
И17

И17 **Иван Владимирович Ц.**  
Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг / Цветаев Иван Владимирович – М.:  
Книга по Требованию, 2022. – 200 с.

**ISBN 978-5-521-29469-5**

**ISBN 978-5-521-29469-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



## I.

ДИРЕКТОРЪ НЕАПОЛИТАНСКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО МУЗЕЯ, Г. ДЖУЛІО ДЕ-ПЕТРА.

Десять лѣтъ тому назадъ, занятія латинской филологіей привели меня къ сознанію необходимости включить въ кругъ своего изученія и языки народовъ, издревле населявшихъ Италію, каковы Сабиняне, Самниты, Умбры, Вольскы, Фалискы и др. Народы эти—родные братья Латиновъ, и потому, чтобы яснѣе понять природу языка послѣднихъ, необходимо брать въ расчетъ и лингвистическія особенности первыхъ.

Языки этихъ народовъ дошли до насъ въ надписяхъ на камнѣ, металлѣ, терракоттѣ, стувѣ, кости или на какомъ-либо другомъ твердомъ матеріалѣ. Европейская наука уже издавна трудится надъ разъясненіемъ этихъ надписей, надъ раскрытіемъ ихъ содержанія и формы. Достаточно здѣсь указать на болѣе видныя имена Ланци, Ремондини, Гротенда, Лепсіуса, Ауфрехта, Кпрхгофа, Моммсена, Фабретти, Корссена, Бюхелера, Бутте и Бреала. Ихъ успіями уже многое сдѣлано на этомъ нелегкомъ пути, но многое остается и для грядущихъ поколѣній ученыхъ, средства которыхъ будутъ несомнѣнно богаче, чѣмъ у ихъ предшественниковъ.

Сначала я считалъ возможнымъ удовлетворить этой потребности изученія древне-италійской діалектологіи лишь усвоеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя прочно выработаны въ нѣмецкой и итальянской литературахъ. На первыхъ порахъ

этотъ пріемъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ цѣли; но потомъ, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства съ предметомъ, стали возникать сомнѣнія и вопросы, рѣшенія которыхъ напрасно было бы искать въ ученой литературѣ и которые могли быть выяснены только личнымъ знакомствомъ съ памятниками, только непосредственнымъ изученіемъ самихъ надписей. Такихъ вопросовъ и колебаній становилось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія моего путешествія въ Италію. Въ октябрѣ 1874 г. мнѣ выпало на долю счастье перейти Альпы и вступить въ ту благословенную страну, видѣть которую для человѣка, занимающагося изученіемъ античнаго міра, всегда составляетъ вѣнецъ желаній.

Здѣсь встрѣча съ памятниками древности лицомъ къ лицу лишь подтвердила наши прежнія сомнѣнія, лишь узакопила прежде робкіе вопросы. Слѣдствіемъ всего этого было рѣшеніе посвятить себя на послѣднее изученіе предмета въ его основаніяхъ, въ его источникахъ. Я задался цѣлю собрать всѣ надписи древнихъ Италійцевъ (за исключеніемъ доселѣ темныхъ для науки Этрусковъ), представить наиболѣе вѣрные тексты ихъ и, съ помощью соотвѣтственной литературы, составить опытъ объясненія ихъ со стороны содержанія и формы.

Работа началась съ надписей Самнитовъ, съ такъ-называемыхъ Оскскихъ надписей. Отправляться отсюда въ этихъ эпиграфическихкихъ студіяхъ нужно было столько же по важности языка этого племени для уясненія формъ латинской рѣчи, столько же по многочисленности матеріала сравнительно съ надписями всѣхъ другихъ народовъ (исключая Умбровъ), сколько и въ силу того обстоятельства, что редакція этихъ надписей, существовавшая въ итальянской и нѣмецкой литературахъ, наиболѣе бросалась въ глаза разнаго рода неточностями и противорѣчіями.

Изученіе древне-италійской письменности пришлось начать

съ Неаполя, такъ-какъ въ нынѣшнемъ Museo Nazionale (что прежде былъ Museo Borbonico) собрано наибольшее число надписей. Во главѣ этого учрежденія, незадолго передъ моимъ прїѣздомъ, сталъ профессоръ археологїи неаполитанскаго университета и руководитель помпейскихъ раскопокъ Джуліо де-Петра. Имя этого ученаго въ археологической литературѣ въ первый разъ встрѣчается, если не ошибаемся, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ \*) какъ автора монографїи „О состояніи италійскихъ городовъ послѣ Союзнической войны въ примѣненїи къ колоніямъ Помпей и Пуццоли“ \*\*). Этотъ трудъ, увѣнчанный преміей неаполитанской академіей наукъ, сразу поставилъ автора на видное мѣсто между итальянскими учеными: начитанность въ древнихъ текстахъ, распоряженіе въ широкихъ размѣрахъ латинскими надписями, зрѣлость сужденія вмѣстѣ съ замѣчательной простотою и ясностью изложенія—вотъ достоинства изслѣдованія г. де-Петры, тогда начинавшаго свою ученую карьеру. Вскорѣ послѣ появленія этой монографїи, г. де-Петра получилъ мѣсто при неаполитанскомъ музеѣ и помпейскихъ раскопкахъ. Съ 1868 г. онъ вмѣстѣ съ Эдуардомъ Бриціо, нынѣшнимъ профессоромъ археологїи въ болонскомъ университетѣ, полагаютъ основаніе Scuola Archeologica di Pompei, назначеніемъ которой было разработывать собственно помпейскую археологію и приготавливать будущихъ преподавателей археологїи въ итальянскихъ университетахъ, и берутъ въ свое завѣдываніе редакцію „Журнала Помпейскихъ Раскопокъ“ (Giornale degli Scavi di Pompei), смѣнивъ въ этомъ случаѣ своего учителя и руководителя Фіорелли. Это ежемѣсячное изданіе суще-

---

\*) Atti dell'Accademia di Archeologia, Letteratura e Belle Arti (Napoli 1865).

\*\*) Sulle condizioni delle città italiche dopo la guerra Sociale con applicazioni alle colonie di Pompei e Pozzuoli per Giulio de Petra.

ствовало двѣнадцать лѣтъ,—и можно сказать безъ преувеличенія, что наибольшая доля статей, помѣщавшихся здѣсь по части помпейской эпиграфики и живописи, принадлежать этому ученому, да и многія другія статьи писаны подъ его ближайшимъ руководствомъ. Впрочемъ, плодовитость—общая черта итальянскихъ археологовъ; тамошніе изслѣдователи старины пишутъ много и любятъ печататься. Но что составляетъ особенную заслугу г. де-Петры, такъ это строгая критика въ его научныхъ работахъ, осторожность сужденій и отсутствіе той поспѣшности, съ которой въ Италіи публиковались археологическія находки прежде. Знакомство съ нѣмецкой методикой и постоянныя сношенія съ главными представителями европейской археологической науки, которые въ вопросахъ относительно Помпей, Геркулана и разнородныхъ сокровищъ неаполитанскаго музея не рѣдко принуждены бываютъ полагаться на сообщенія г. де-Петры какъ на голосъ очевидца, приучили его къ такой строгости къ самому себѣ, которой весьма часто недоставало итальянскимъ археологамъ старой школы. Стоить присмотрѣться хотя бы къ его публикаціямъ латинскихъ надписей въ вышеназванномъ журналѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что итальянское правительство, стави сравнительно молодого профессора во главѣ такого учрежденія, какъ неаполитанскій музей, вѣряло дѣло въ руки добросовѣстнаго и дѣлательнаго ученаго. Оттого-то и въ Италіи, и заграничѣй, именно въ соответственныхъ сферахъ Франціи и Германіи, съ теплымъ чувствомъ было пріѣтствовано назначеніе такого преемника знаменитому Фіорелли, который до самой старости работалъ въ Помпеяхъ и Неаполѣ, какъ частный ученый, какъ директоръ музея и организаторъ раскопокъ, и который весною 1875 г. получилъ высшій постъ въ Римѣ \*).

---

\*) О дѣятельности этого ученаго будетъ сказано ниже.

Впрочемъ, все вышесказанное относительно г. де-Петры я узналъ уже позднѣе. Но въ апрѣлѣ 1875 г. я отправился къ нему просто какъ къ директору нужнаго мнѣ правительственнаго учрежденія, имѣя въ виду лишь получить позволеніе для занятій въ музеѣ—его галлерейхъ и библіотекѣ.

Мы, русскіе, при словѣ „директоръ“ того или другого учрежденія, будь то департаментъ, академія, эрмитажъ, театръ, банкъ и т. п., приучены къ представленію о чловѣкѣ важномъ, малодоступномъ, поздно являющемся на службу, мало на ней остающемся, спящемъ въ одной изъ дальнихъ залъ своей канцеляріи и обыкновенно скупомъ на слова и личныя объясненія. Такимъ я представлялъ себѣ и директора неаполитанскаго Museo Nazionale. Но удивительной показалась мнѣ уже крайне скромная обстановка приемной комнаты представителя такого учрежденія, на которое обращены взоры всего цивилизованнаго міра, куда стекаются въ силу ученой пытливости, или по простой любознательности, со всѣхъ концовъ свѣта у кого есть досугъ и средства, наконецъ учрежденія, посѣтитъ которое считаютъ своимъ долгомъ государи и всѣ спльные міра, разъ попавши на берегъ Неаполитанскаго залпва. Между тѣмъ, это—небольшая зала, помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ зданія, въ два окна, съ продолговатыми овальной формы столомъ, который, какъ я узналъ впоследствии, служитъ для засѣданій дирекціи музея и для студентовъ мѣстнаго университета, слушающихъ здѣсь курсъ археологіи у г. де-Петры. По стѣнамъ ея, вмѣсто всякихъ украшеній, стоятъ шкафы съ дѣлами канцеляріи музея; что же касается до мебели, то, выражаясь деликатнѣе, приобрѣтавшіе ее несомнѣнно имѣли въ виду больше ея прочность, чѣмъ изящество.

Изъ сосѣдней маленькой комнаты вышелъ къ мнѣ чловѣкъ лѣтъ тридцати пяти. По его простенькому сюртуку и форменной фуражкѣ, кабую носятъ всѣ служащіе въ музеѣ,

можно было принять его за одного изъ второстепенныхъ чиновниковъ, за одного изъ хранителей музея. На дѣлѣ это былъ самъ директоръ.

Мы разговорились о цѣли моего путешествія по Италіи и о ближайшемъ предметѣ моихъ занятій въ музеѣ. Директоръ отнесся къ моему дѣлу съ такимъ радушіемъ, на какое я и не смѣлъ разсчитывать. Онъ не скрылъ трудности предпринимаемой задачи, такъ-какъ для меня требовалось не только прочесть и разобрать памятники письменности Самнитовъ, не только занести ихъ тексты въ мое собраніе путемъ простой транскрипціи, но и снять съ нихъ точныя копіи, такъ-называемыя копіи fac-similes, что, по крайней мѣрѣ, во сто разъ усложнило работу. Надписи оказались самаго разнообразнаго свойства—и рѣзанныя на камнѣ, и гравированныя на мѣди и дѣланныя острымъ на свинцѣ и стукѣ, выведенныя стилемъ на мягкой глинѣ и писанныя кистью и красной краской.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ требовалъ особыхъ приспособленій, своихъ специальныхъ техническихъ приѣмовъ. Съ надписей, высѣченныхъ на камнѣ дѣлаются обыкновенно бумажныя слѣпки (calco, Abklatsch, estampe). Этотъ процессъ заключается въ слѣдующемъ: камень вымывается водой, очищается щеткой отъ пыли, грязи и вообще отъ всякой посторонней примѣси въ углубленіяхъ или на рельефахъ буквъ. Когда эта предварительная работа кончена, накладываютъ на камень листъ неклееной, мягкой бумаги и потомъ осторожно вбиваютъ его мокрой губкой или щеткой въ углубленія буквъ. При осторожности этого процесса, бумага плотно прилегаетъ къ камню и входитъ во всю глубину начертаній, при чемъ главная забота снимающаго должна быть направлена на то, чтобы до возможной степени рѣзче обрамлялись контуры каждой буквы. Съ этой цѣлью принято послѣ губки и щетки, передъ просушиваніемъ бумаги, прохо-

дпть каждую букву еще разъ большпмъ пальцемъ. Бумага просыхаетъ,—и такимъ образомъ получается возможно точный снимокъ, точная копія надписи. Этотъ пріемъ употреблялся въ Италіи уже въ XVI ст. знаменитымъ эпиграфистомъ своего времени, Рафаиломъ Фабретти, и повсемѣстно практикуется въ западной Европѣ въ настоящее время.

Способъ этотъ, до извѣстной степени, прплагается и къ надписямъ, вырѣзаннымъ на металлѣ, особенно если буквы средней величины, если не глубоко врѣзаны и письмо не слишкомъ шероховато. Въ этомъ случаѣ берутъ тонкую, въ родѣ папирсной, бумагу, накладываютъ ее на смоченную водою металлическую поверхность и, осторожно расправивъ всѣ ненужныя складки листа, начинаютъ рукой проходить букву за буквой, строку за строкою. Но такъ какъ тонкая бумага не можетъ долго сохранять отпечатка во всей цѣлости, то въ виду самаго памятника или даже на немъ самомъ обводятся контуры каждой буквы карандашомъ, обводятся тихо и медленно и притомъ искусной рукою. Кромѣ этого съ надписей, вырѣзанныхъ на металлѣ, снимается или гипсовый слѣпокъ, или слѣпокъ изъ желатина, или дѣлается снимокъ на листъ тонкаго олова. Эти пріемы требуютъ уже участія гипсовщика и спеціальнаго умѣнья обходиться съ матеріаломъ.

Когда надпись не рѣзана, а нацарапана острымъ или гвоздемъ, то дѣлаютъ такъ-называемое *lucido*, т.-е. прописъ на восковую, прозрачную бумагу. Здѣсь весь секретъ въ вѣрности глаза, въ осторожности и опытности снимающей руки.

Надпись на металлѣ, или слишкомъ мелко вырѣзанныя или стершіяся отъ времени и потому не поддающіяся ни одному изъ вышеизложенныхъ пріемовъ, снимаются отъ руки. Последнее требуетъ такого искусства, какимъ не владѣетъ обыкновенный рисовальщикъ и которое бываетъ удѣломъ

спеціалистовъ особаго рода. Но и у нихъ эта работа движется крайне медленно и беретъ много времени и усилій глаза и рукъ.

Приступая къ собранію Самнитскихъ надписей, я принесъ съ собою лишь одно желаніе овладѣть матеріаломъ, но не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ вышеизложенныхъ техническихъ приемовъ. И всему этому научилъ меня г. де-Петра. Директоръ неаполитанскаго музея, спустя недѣлю послѣ нашего перваго знакомства, не потяготился пойти со мною въ галерею надписей (*Galleria Lapidaria*) и, потребовавъ ведро съ водой, губку, щетку, онъ собственноручно, въ виду публики, находившейся въ музеѣ и собравшейся во кругъ насъ, продѣлалъ на одномъ изъ памятниконъ весь процессъ сниманія бумажнаго слѣпка, сопровождалъ работу соответственными указаніями. Не довольствуясь этимъ, онъ предложилъ мнѣ сейчасъ же сдѣлать опытъ надъ другимъ камнемъ. Ему же послѣ пришлось учить меня и другимъ приемамъ копированія надписей.

Это было только началомъ услугъ мнѣ со стороны г. де-Петры, и этимъ услугамъ въ теченіе моего семимѣсячнаго пребыванія въ Неаполѣ, при почти ежедневныхъ свиданіяхъ съ нимъ въ музеѣ, не было конца. Задача моя оказалась на дѣлѣ впоследствии гораздо труднѣе, чѣмъ можно было предполагать сначала. Нѣкоторые изъ мелкихъ надписей, когда-то существовавшія въ музеѣ, затерялись въ массѣ другихъ предметовъ, наполняющихъ это колоссальное хранилище, и найти ихъ стоило большаго усилія новому директору. Для этого ему не разъ нужно было ходить и въ темноватый магазинъ, гдѣ хранятся предметы, ожидающіе мѣста и регистровки; приходилось подолгу рыться и въ залахъ музея. Такъ, никогда не забыть мнѣ того труда, который положенъ былъ разъ г. де-Петрой на отысканіе одного мелкаго осколка бронзы и небольшого круглаго камня-

амулета, которые были для меня необходимы своими надписями. Случайно их не оказалось на своих местах, не нашлось и по соседству. Потратив не мало времени на поиски, г. де-Петра въ смущеніи сказалъ мнѣ, что въ этотъ день не можетъ найти пропавшихъ вещей, но что онъ постарается въ первый же свободный часъ употребить всѣ успія на то, чтобы доставить мнѣ „эти сокровища древности“. На слѣдующее же утро я убѣдился, что это обѣщаніе директора неаполитанскаго музея не было только фразой: въ девять часовъ онъ остановилъ меня на дорогѣ въ галерею надписей и, подавая двѣ мелкія вещицы, сказалъ мнѣ, что очень радъ приведенію ихъ въ извѣстность, хотя это и стоило ему двухчасовой работы. Чтобы не быть развлекаемымъ никѣмъ въ своихъ поискахъ, онъ явился въ музей въ семь часовъ утра и перебралъ пѣсколько полокъ съ мелкими бронзовыми вещами, отыскивая здѣсь осколокъ одной самнитской пластинки. Оказалось, что этотъ осколокъ упалъ съ своего мѣста и, по оплошности консерватора, положенъ на одну изъ нижнихъ полокъ. Было девять часовъ утра, музей только-что отпирали, — а директоръ его уже обилвался потомъ, проработавъ два часа въ согбенномъ положеніи! Слѣдуетъ прибавить къ этому, что г. де-Петра живетъ не въ зданіи музея, что онъ долженъ былъ придти сюда съ своей, не близко находящейся, квартиры.

Г. директору пришлось помогать мнѣ не только въ стѣнахъ музея, но неоднократно онъ долженъ былъ ѣздить, ради моихъ цѣлей, и въ Помпеи. Національный неаполитанскій музей служитъ хранилищемъ всего, что открывается въ Помпеяхъ; сюда переносятъ всѣ предметы искусства, домашнюю утварь, камни съ надписями, словомъ все, что удобно для переноски и сохраненіе чего представляетъ какую-нибудь научную важность. Въ Помпеяхъ остается на

мѣстѣ лишь стѣнная живопись, заключающая повтореніе сюжетовъ, лучшіе образцы которыхъ уже хранятся въ музеѣ, здѣсь же остаются стѣнные надписи, дѣланныя кистью и краской и граффиты по стукку стѣнъ. Послѣдніе не уносятся ни въ мѣстный Помпейскій музей, ни въ Неаполь единственно по невозможности достигъ этого безъ разрушенія или зданій съ этими надписями, или самихъ надписей. Вслѣдствіе этого, доселѣ остаются въ Помпеяхъ всѣ Самнитскія дипинты, дѣланныя кистью и красной краской на стѣнахъ древнѣйшей, до-римской кладки, всѣ граффиты на камняхъ и стуккѣ. Найти ихъ безъ руководства мѣстнаго спеціалиста для иностранца не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что весною 1875 г. старыя названія улицъ и домовъ, долго существовавшія въ археологической литературѣ и во всѣхъ гйдахъ, какъ *strada dell'Abbondanza*, *strada dei Sepolcri*, *strada della Fortuna* и пр., или названія домовъ, какъ *casa del Fauno*, *casa di Sallustio*, *casa di Cicerone*, *casa del Poeta Tragico* и т. д., замѣнились дѣленіемъ всего города на части, *regiones*, и кварталы, *insulae*. Дома же получили лишь числовое обозначеніе, при чемъ на направление стараго счета, къ сожалѣнію, не обращено было никакой вниманія. Путаница отъ этого, особенно на первыхъ порахъ, вышла ужасная, такъ какъ всѣ прежнія топографическія указанія касательно Помпей, падали сами собою, новый же порядокъ счисленія домовъ еще не былъ усвоенъ.

На помощь ученымъ и публикѣ явился самъ авторъ этой реформы, г. Фиорелли, напечатавъ книгу подъ заглавіемъ: „*Descrizione di Pompei per Giuseppe Fiorelli*“, Napoli 1875. Руководство несомнѣнно приносило свою долю пользы, но для того, кто, подобно мнѣ, искалъ всѣхъ, безъ различія ихъ величины и важности, предметовъ извѣстнаго порядка, эта книга не могла дать многого. Нужно было или рѣшиться